

Глава первая

МОРСКОЙ РОГ

Светловолосый мальчик только что одолел последний спуск со скалы и теперь пробирался к лагуне. Школьный свитер он снял и волочил за собой, серая рубашечка на нем взмокла, и волосы налипли на лоб. Шрамом врезавшаяся в джунгли длинная полоса порушенного леса держала жару, как баня. Он спотыкался о лианы и стволы, когда какая-то птица желто-красной вспышкой взметнулась вверх, голая, как ведьма; и на ее крик эхом отозвался другой.

— Эй, — был этот крик, — погоди-ка!

Кусты возле просеки дрогнули, осыпая гремучий град капель.

— Погоди-ка, — сказал голос. — Запутался я.

Светловолосый мальчик остановился и подтянул голфы автоматическим жестом, на секунду уподобившим джунгли окрестностям Лондона.

Голос заговорил снова:

— Двинуться не дают, ух и цопкие они!

Тот, кому принадлежал голос, задом выбирался из кустов, с трудом выдирая у них свою грязную куртку. Пухлые голые ноги колениками застряли в шипах и были все расцарапаны. Он наклонился, осторожно отцепил шипы и повернулся. Он был ниже светлого и очень толстый. Сделал шаг, нащупав безопасную позицию, и глянул сквозь толстые очки.

— А где же дядька, который с мегафоном?

Светлый покачал головой:

— Это остров. Так мне по крайней мере кажется. А там риф. Может даже, тут вообще взрослых нет.

Толстый оторопел:

— Был же летчик. Правда, не в пассажирском отсеке был, а впереди, в кабине.

Светлый, сощурился, озирает риф.

— Ну, а ребята? — не унимался толстый. — Они же, некоторые-то, ведь спаслись? Ведь же правда? Да ведь?

Светлый мальчик пошел к воде как можно непринужденней. Легко, без нажима он давал понять толстому, что разговор окончен. Но тот зашпешил следом.

— И взрослых, их тут совсем нету, да?

— Вероятно.

Светлый произнес это мрачно. Но тотчас его одолел восторг сбывшейся мечты. Он встал на голову посреди просеки и во весь рот улыбался опрокинутому толстому.

— Без всяких взрослых!

Толстый размышлял с минуту.

— Летчик этот...

Светлый сбросил ноги и сел на распаренную землю.

— Наверно, нас высадил, а сам улетел. Ему тут не сесть. Колеса не встанут.

— Нас подбили!

— Ну, он-то вернется еще как миленький!

Толстый покачал головой:

— Мы когда спускались, я — это — в окно смотрел, а там горело. Наш самолет с другого края горел.

Он блуждал взглядом по просеке.

— Это все от фюзеляжа.

Светлый потянулся рукой и пощупал раскромсанный край ствола. На мгновение он заинтересовался:

— А что с ним стало? Куда он делся?

— Волнами сволокло. Ишь, опасно-то как, деревья все переломаты. А ведь там небось ребята были еще.

Он помолчал немного, потом решил:

— Тебя как звать?

— Ральф.

Толстый ждал, что его, в свою очередь, спросят об имени, но ему не предложили знакомиться; светлый мальчик, назвавшийся Ральфом, улыбнулся рассеянно, встал и снова двинулся к лагуне. Толстый шел за ним по пятам.

— Я вот думаю, тут еще много наших. Ты как — видал кого?

Ральф покачал головой и ускорил шаг. Но наскочил на ветку и с грохотом шлепнулся.

Толстый стоял рядом и дышал, как паровоз.

— Мне моя тетя не велела бегать, — объяснил он, — потому что у меня астма.

— Ассы-ма-какассима?

— Ага. Запыхаюсь я. У меня у одного со всей школы астма, — сказал толстый не без гордости. — А еще я очки с трех лет ношу.

Он снял очки, протянул Ральфу, моргая и улыбаясь, а потом принялся их протирать замызганной курткой. Вдруг его расплывчатые черты изменились от боли и сосредоточенности. Он утер пот со щек и поскорей нацепил очки на нос.

— Фрукты эти...

Он кинул взглядом по просеке.

— Фрукты эти, — сказал он. — Вроде я...

Он поправил очки, метнулся в сторонку и присел на корточки за спутанной листвой.

— Я сейчас...

Ральф осторожно высвободился и нырнул под ветки. Сопень толстого тотчас осталось у него за спиной, и он поспешил к последнему заслону, отгораживавшему его от берега. Перелез через поваленный ствол и разом очутился уже не в джунглях.

Берег был весь опушен пальмами. Они стояли, клонились, никли в лучах, а зеленое оперенье висело в стофудовой выси. Под ними росла жесткая трава, вспученная вывороченными корнями, валялись гнилые кокосы и то тут, то там пробивались новорожденные ростки. Сзади была тьма леса и светлый проем просеки. Ральф замер, забыв руку на сером стволе, и щурясь смотрел на сверкающую воду. Там, наверное, в расстоянии мили, лохматилась у кораллового рифа белая кипень прибоя и дальше темной синью стлалось открытое море. В неровной дуге кораллов лагуна лежала тихо, как горное озеро — разнообразно си-

нее, и тенисто-зеленое, и лиловатое. Полоска песка между пальмовой террасой и морем убежала тонкой лункой неведомо куда, и только где-то в бесконечности слева от Ральфа пальмы, вода и берег сливались в одну точку; и, почти видимая глазу, плавала вокруг жара.

Он соскочил с террасы. Черные ботинки зарылись в песок, его обдало жаром. Он ощутил тяжесть одежды. Сбросил ботинки, двумя рывками сорвал с себя гольфы. Снова вспрыгнул на террасу, стянул рубашку, стал среди больших, как черепа, кокосов, в скользящих зеленых тенях от леса и пальм. Потом расстегнул змейку на ремне, стащил шорты и трусики и, голый, смотрел на слепящую воду и берег.

Он был достаточно большой, двенадцать с лишним, чтоб пухлый детский животик успел подобраться; но пока в нем еще не ощущалась неловкость подростка. По ширине и развороту плеч видно было, что он мог бы стать боксером, если бы мягкость взгляда и рта не выдавала его безобидности. Он легонько похлопал пальму по стволу и, вынужденный наконец признать существование острова, снова упоенно захохотал и стал на голову. Ловко перекувырнулся, прыгнул на берег, упал на коленки, обеими руками подгрел к себе горкой песок. Потом выпрямился и сияющими глазами окинул воду.

— Ральф...

Толстый мальчик осторожно спустил ноги с террасы и присел на край, как на стульчик.

— Я долго очень, ничего? От фруктов этих...

Он протер очки и утвердил их на носу-пуговке. Дужка уже пометила переносицу четкой розовой галкой. Он окинул критическим оком золотистое тело Ральфа, потом посмотрел на собственную одежду. Взялся за язычок молнии, пересекающей грудь.

— Моя тетя...

Но вдруг решительно дернул за молнию и потянул через голову всю куртку.

— Ладно уж!

Ральф смотрел на него искоса и молчал.

— По-моему, нам надо все имена узнать, — сказал толстый. — И список сделать. Надо созвать сбор.

Ральф не клюнул на эту удочку, так что толстому пришлось продолжить.

— А меня как хотите зовите — мне все равно, — открылся он Ральфу, — лишь бы опять не обозвали, как в школе.

Тут уж Ральф заинтересовался:

— А как?

Толстый огляделся, потом пригнулся к Ральфу. И зашептал:

— Хрюша — во как они меня обозвали.

Ральф зашелся от хохота. Даже вскочил.

— Хрюша! Хрюша!

— Ральф! Ну Ральф же!..

Хрюша всплеснул руками в ужасном предчувствии:

— Я сказал же, что не хочу...

— Хрюша! Хрюша!

Ральф выплясал на солнцепек, вернулся истребителем, распластав крылья, и обстрелял Хрюшу:

— У-у-уф! Трах-тах-тах!

Плюхнулся в песок у Хрюшиных ног и все заливался:

— Хрюша!!

Хрюша улыбался сдержанно, радуясь против воли хоть такому признанию.

— Ладно уж. Ты только никому не рассказывай...

Ральф хихикнул в песок.

Снова на лице у Хрюши появилось выражение боли и сосредоточенности.

— Минуточку...

И он бросился в лес. Ральф поднялся и затрусил направо.

Там плавный берег резко перебивала новая тема в пейзаже, где господствовала угловатость; большая площадка из розового гранита напролом врубалась в террасу и лес, образуя как бы подмости высотой в четыре фута. Сверху площадку припорошило землей, и она поросла жесткой травой и молоденькими пальмами. Пальмам не хватало земли, чтобы как следует вытянуться, и, достигнув футов

двадцати роста, они валились и сохли, крест-накрест перекрывая площадку стволами, на которых очень удобно было сидеть. Пока не рухнувшие пальмы распластали зеленую кровлю, с исподу всю в мечущемся плетеве отраженных водяных бликов. Ральф подтянулся и влез на площадку, в прохладу и сумрак, сощурил один глаз и решил, что тени у него на плече в самом деле зеленые. Он прошел к краю площадки над морем и заглянул в воду. Она была ясная до самого дна и вся расцвела тропическими водорослями и кораллами. Сверкающим выводком туда-сюда носились рыбешки. У Ральфа вырвалось вслух на басовых струнах восторга:

— Потряса-а-а!

За площадкой открылось еще новое чудо. Какие-то силы творенья — тайфун ли то был или отбушевавшая уже у него на глазах буря — отгородили часть лагуны песчаной косой, так что получилась глубокая длинная заводь, закрытая с дальнего конца отвесной стеной розового гранита. Ральф, уже наученный опытом, не решался по внешнему виду судить о глубине бухты и готовился к разочарованию. Но остров не обманул, и немыслимая бухта, которую, конечно, мог накрыть только самый высокий прилив, была с одной стороны до того глубокая, что даже темно-зеленая. Ральф тщательно обследовал ярдов тридцать и только потом нырнул. Вода оказалась теплее тела, он плавал как будто в огромной ванне.

Хрюша снова был тут как тут, сел на каменный уступ и завистливо разглядывал зеленое и белое тело Ральфа.

— А ты ничего плаваешь!

— Хрюша.

Хрюша снял ботинки, носки, осторожно сложил на уступе и окунул ногу одним пальцем.

— Горячо!

— А ты как думал?

— Я вообще-то никак не думал. Моя тетя...

— Слыхали про твою тетю!

Ральф нырнул и поплыл под водой с открытыми глазами; песчаный край бухты маячил, как горный кряж. Он

зажал нос, перевернулся на спину, и по самому лицу заплясали золотые осколки света. Хрюша с решительным видом стал стягивать шорты. Вот он уже стоял голый, белый и толстый. На цыпочках спустился по песку и сел по шею в воде, гордо улыбаясь Ральфу.

— Да ты что? Плавать не будешь?

Хрюша покачал головой:

— Я не умею. Мне нельзя. Когда астма...

— Слыхали про твою какассыму!

Хрюша снес это с достойным смирением.

— Ты вот здорово плаваешь!

Ральф дал задний ход к берегу, набрал в рот воды и выпустил струйку в воздух. Потом поднял подбородок и заговорил:

— Я с пяти лет плавать умею. Папа научил. Он у меня капитан второго ранга. Как только его отпустят, он придет сюда и нас спасет. А твой отец кто?

Хрюша вдруг покраснел.

— Папа умер, — пролепетал он скороговоркой. — А мамка...

Он снял очки и тщетно искал, чем бы их протереть.

— Меня тетенька вырастила. У ней кондитерская. Я знаешь, сколько сладкого ел! Сколько влезет. А твой папа нас когда спасет?

— Сразу, как только сможет.

Хрюша, струясь, выбрался из воды и голый стал протирать носком очки. Единственный звук, пробивавшийся к ним сквозь жару раннего часа, был тяжелый, тягучий гул осаждавших риф бурунов.

— А почему он узнает, что мы тут?

Ральф нежился в воде. Перебарывая, затеняя блеск лагуны, как кисея миража, его окутывал сон.

— Почему он узнает, что мы тут?

«Потому что, — думал Ральф, — потому что — потому». Гул бурунов отодвинулся в дальнюю даль.

— На аэродроме скажут.

Хрюша покачал головой, надел очки и сверкнул стеклами на Ральфа.

— Нет уж. Ты что — не слышал, чего летчик говорил? Про атомную бомбу? Все погибли.

Ральф вылез из воды, встал, глядя на Хрюшу и сосредоточенно соображая.

Хрюша продолжал свое:

— Это же остров, так?

— Я на гору влезал, — протянул Ральф. — Кажется, остров.

— Все погибли, — сказал Хрюша. — И это остров. И никто ничего не знает, что мы тут. И папаша твой не знает, никто.

Губы у него дрогнули, и очки подернулись дымкой.

— И будем мы тут, пока не перемрем.

От этих слов жара будто набрякла, навалилась тяжестью, и лагуна обдала непереносимым сверканьем.

— Пойду-ка, — пробормотал Ральф, — там вещи мои.

Он бросился по песку под нещадными, злыми лучами, пересек площадку и собрал раскиданные вещи. Снова надеть серую рубашечку оказалось до странности приятно. Потом он поднялся в уголок площадки и сел на удобном стволе в зеленой тени. Прибрел и Хрюша, таща почти все свои пожитки под мышкой. Осторожно сел на поваленный ствол возле небольшого утеса против лагуны; и на нем запрыгали путаные блики.

Он опять заговорил:

— Надо их всех искать. Надо чего-то делать.

Ральф не отвечал. Тут был коралловый остров. Укрывшись в тени, не вникая в прорицания Хрюши, он размечтался сладко.

Хрюша не унимался:

— Сколько нас тут всех?

Ральф встал и подошел к Хрюше.

— Не знаю.

То тут, то там ветерок рябил натянутую под дымкой жары гладкую воду. Иногда он задувал на площадку, и тогда пальмы перешептывались, и свет стекал кляксами им на кожу, а по тени порхал на блестящих крыльшках.

Хрюша смотрел на Ральфа. На лице у Ральфа тени опрокинулись, сверху оно было зеленое, снизу светлое от блеска воды. Солнечное пятно застряло в волосах.

— Надо делать чего-то.

Ральф смотрел на него, не видя. Наконец-то нашлось, воплотилось столько раз, но не до конца рисовавшееся воображению место. Рот у Ральфа расплылся в восхищенной улыбке, а Хрюша отнес эту улыбку на свой счет, как знак признания, и радостно захохотал.

— Если это правда остров...

— Ой, что это?

Ральф перестал улыбаться и показывал на берег. Что-то кремовое мерцало среди лохматых водорослей.

— Камень.

— Нет. Раковина.

Хрюша вдруг закипел благородным воодушевлением.

— Точно. Ракушка это. Я такую видал. На заборе у одного. Только он звал ее рог. Задудит в рог — и сразу мама к нему выбегает. Они жуть как дорого стоят.

У Ральфа под самым боком повис над водой росток пальмы. Хилая земля все равно уже вздулась из-за него комом и почти не держала его. Ральф выдернул росток и стал шарить по воде, и от него в разные стороны порхнули пестрые рыбки. Хрюша весь подался вперед.

— Тихо! Разобьешь...

— А, да ну тебя.

Ральф говорил рассеянно. Конечно, раковина была интересной, красивой, прекрасной игрушкой; но манящие видения все еще заслоняли от него Хрюшу, которому среди них уж никак не могло быть места. Росток выгнулся и загнал раковину в водоросли. Ральф, используя одну руку как опору рычага, другой рукой нажимал на деревцо, так что мокрая раковина поднялась и Хрюше удалось ее выловить.

Наконец можно было потрогать раковину, и теперь-то до Ральфа дошло, какая это прелесть. Хрюша тараторил:

— ...рог. Жуть какой дорогой... Ей-богу, если бы покупать, так это тьму-тьмушую денег надо выложить... он у них в саду на заборе висел, а у моей тети...